

Сергей Вересков

ШЕСТЬ ДНЕЙ

Пронзительный
роман
о молодости,
смерти
и любви

Сергей Вересков

Шесть дней

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вересков С.

Шесть дней / С. Вересков — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109917-6

Про роман «Шесть дней» нельзя сказать однозначно. Например, что это «роман взросления» – герой-то уже взрослый. Или что это travel story – потому что путешествуют тут поневоле и скорее не в пространстве, а внутри себя. Это и не любовный роман – не любовная лихорадка гложет героя. Молодой писатель Сергей Вересков написал роман о матери, хотя читателю может казаться в разные моменты, что это о романах, путешествиях, детстве и юности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109917-6

© Вересков С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1	8
2	18
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Вересков

Шесть дней

Художественное оформление серии Сергея Груздева

© Вересков С., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается моей семье и Сереже Васильеву – близкому другу и
первому читателю романа «Шесть дней»*

*Должно быть, Вы, как я, любите только свое детство: то, что
было тогда. Ничего, пришедшего после, я не полюбила.
Из письма Марины Цветаевой своей подруге, Анне Тесковой*

Кто бы мог подумать: вчера услышала по телевизору, что деменция неслучайна – в том смысле, что природа изобрела ее специально, из милосердия к человеку. «Почему же из милосердия?» – спрашивает журналист у врача. А он отвечает, что деменция готовит человека к смерти. Облегчает ему жизнь – чтобы не так страшно было умирать, чтобы он и сам не понимал, что с ним вообще происходит – где он, кто он, какая это комната, простите, не подскажете? Забывал бы имена, места, близких родственников. В общем, был бы сомнамбулой в тумане; по правде сказать, в таком состоянии не так уж страшно умирать. «Однако, – оговорился врач, –

иногда природа ошибается, и деменция возникает у здорового человека, который и умирать-то еще не планирует. Вот это действительно очень обидно». Конечно, обидно: ничего человеческого в тебе не осталось, а жизнь все равно продолжается.

Еще обидно, когда бывает наоборот: человек смертельно болен, а деменции нет и нет. Мой отец так умирал – все понимал до самой последней минуты. Мучился ужасно, вспоминал, как пролетела жизнь, что не сделал того и этого, что прикован к коляске. На это было неловко смотреть. И, спрашивается, где была деменция, а? Мне бы не хотелось так заканчивать. Хотя у деменции есть свои недостатки – одно дело, когда ты просто все забываешь, а другое, когда сходишь с ума и начинаешь видеть то, чего нет. Наша соседка по коммуналке была как раз из таких. До сих пор помню, как в детстве она пугала меня своими рассказами – все говорила, что к ней постоянно ходят какие-то черные женщины, бьют ее, унижают. Говорила, что они залезают к ней по ночам через окно и до утра мучают – это было пятьдесят с лишним лет назад, но я до сих пор помню ее сморщенное испуганное лицо, с которым она об этом рассказывала.

А однажды вечером я пошла в туалет, и она набросилась на меня сзади, обвила руками шею, стала душить – она шептала, что больше не даст себя мучить и разделается со мной. Щеки у нее были мокрыми от слез, а изо рта пахло гнилью и вареной курицей. Я кричала, стараясь отбиться, но только мама меня освободила – она прибежала на крик и со всей силы дала старухе пощечину, так что та упала на пол и завопила. На следующий день щека у нее распухла, левый глаз заплыл синевой – она ударилась об угол, когда падала. Мне было жаль ее, я хотела к ней зайти и посидеть рядом, сыграть в карты, но мама запретила. Сейчас мне лет на пятнадцать меньше, чем старухе тогда – ей было восемьдесят, кажется, или восемьдесят пять.

Все в той же вчерашней статье я прочитала, что в моем возрасте деменция уже может возникнуть, – меня это так поразило, что я даже сбегала в магазин и купила себе толстую тетрадку для ведения дневника: интересно, в случае чего, по нему можно будет потом определить, в какой момент что-то пошло не так? Еще до замужества мне нравилось вести дневник. У меня были толстые синие тетрадки, и вот сейчас я тоже купила толстую синюю тетрадь – синий и голубой всегда были моими любимыми цветами. Конечно, после рождения Саши я забросила это дело, ведь когда есть семья, то времени на жизнь не остается – на свою жизнь, я имею в виду.

Но теперь свободное время появилось – к тому же для первой записи есть отличный повод: вчера утром я сдавала анализы на рак. После диспансеризации в районной поликлинике знакомому врачу что-то во мне не понравилось – то ли в моей крови, то ли в моем цвете лица (я и правда уже несколько месяцев выгляжу не очень), то ли в жалобах на желудок, и она, цокнув языком, отправила меня проходить все круги ада, один за другим. Брать направления, слоняться по кабинетам, ехать, наконец, в институт Герцена, как в последнюю инстанцию для таких, как я. Неприятное место, хотя дом и старинный, красивый, а все равно вывеска «онкологический институт» его портит.

Результатов ждать всего пару дней – не так уж долго, как мне показалось сначала, а теперь вот сижу и мучаюсь: чем же себя занять, как скоротать время? А главное, невозможно перестать думать, будут хорошие или плохие результаты, и если плохие, то насколько плохие? Конечно, в уме я прокручиваю все сценарии, даже самый неприятный – и вот, думая об этом *нежелательном варианте*, начинаю чувствовать тошноту, а затем боль внизу живота, которая накачивается на меня волнами. Ну, снова началось, прямо сейчас. От этой ноющей боли мне делается страшно, кружится голова, и я заставляю себя не думать о Саше, хотя это почти невозможно. Но я знаю, так надо – моей жалости не хватит на нас обоих. Хорошо, что я отправила его в поездку, пусть побудет подальше от Москвы.

Единственный вопрос, который остается в голове, когда приступ страха проходит, очень простой: хватит ли сил, чтобы справиться с этим *нежелательным вариантом*, если он слу-

чится? В голове проносится все, что я знаю о раке (что это очень больно и очень унижительно), и я понимаю, что у меня нет на него ответа.

1

Саше Негину 33 года. Он ехал в Сочи в полном одиночестве – выкупил целое купе, чтобы не знакомиться со случайными людьми: он не любил вести пустые разговоры, слушать чужую музыку, мириться с раздражающим ночным храпом. Самолет тоже не был сейчас подходящим вариантом: в детстве они с матерью обычно путешествовали на поезде, и он хотел вспомнить, как это было. Он давно планировал совершить ностальгическую поездку, но все не решался, а тут жизнь сама подтолкнула его к этому шагу. У мамы несколько лет назад в городке под Сочи умерла тетка, с которой они почти не общались, и, так как у престарелой родственницы не было детей, квартира по наследству досталась им. Мама еще тогда собиралась ее продать, но постоянно находились поводы, чтобы повременить с этим. Вот, например, сейчас она снова занялась своим здоровьем – решила сделать несколько обследований – и с квартирой предложила разобраться Саше. «Иначе она просто утонет в пыли и плесени, или дом рухнет, в конце концов. В любом случае, денег мы уже не получим», – сказала она, с облегчением переключивая на Сашу квартирные хлопоты.

Он вспоминал об этом, привалившись к окну: в купе стоял знакомый сладковатый запах, смешанный с запахом свежего белья. Под лязганье колес Саша смотрел то на пляшущее в углу солнце, прерываемое тенями от электрических столбов, то на свое отражение в окне, словно бы плывшее по голубым и зеленым деревенским домам, по желтым полям, по серым неузнанным платформам.

На вокзал он добирался один – провожать его было некому: с Ларой он давно расстался. Никто так долго, как она, – целых три года – не продержался рядом с ним, терпя его невыносимо ровный, если не сказать равнодушный, характер. Только Лара, только она. Своевольная и живая, со вздернутым смешным носом. Когда они прощались у него дома, она все стояла между лестничной площадкой и холлом, не решаясь совсем выйти, как бы зависнув между мирами, – говорила, что еще позвонит (и звонила), называла подлецом и «моим единственным». Саша слушал все это с тоской, но так и не смог придумать никаких новых причин для расставания, а просто еще раз попросил уйти: «Иди, Лара, иди, я знаю, у тебя сегодня еще много дел – и у меня, кстати, тоже».

– Чай или кофе? – проводница постучала в дверь и пробубнила тяжелым голосом. – Не хотите кофе? Или, может, чаю. – Снова крепкий стук в дверь. – Чай вкусный очень. Очень вкусный чай. Я советую! – закричала проводница, но Саша ничего не ответил, и она удалилась, напоследок с удовольствием ударив ладонью по двери.

Сашина мама всегда была рачительной женщиной и потому в дороге редко что-то покупала, все необходимое она брала с собой. Чайные пакетики, термос, кипятильник, вареную картошку, сосиски, колбасу кругляками, ветчину, яйца, мягкие бананы, яблоки с коричневыми подтеками, нарезанный кусками торт «Ленинградский» – все это она умудрялась сложить в аккуратную кожаную сумку, которую сама несла до вокзала, приглядывая одновременно за сыном и мужем. Она всегда следила за временем и никогда никуда не опаздывала, а больше всего в людях не любила безответственность. Своим характером, даже не желая того, она изводила себя и близких и мучилась от окружавшего ее несовершенства.

Достав бутерброды и термос, Саша поужинал в тишине – солнце за окном почти исчезло, а тени достигли горизонта. В детстве он любил смотреть в окно и, пока мама читала какую-нибудь книгу в мягком переплете, пока разгадывала кроссворды, мог часами наблюдать за уносящимся пейзажем, то засыпая, то опять просыпаясь: его завораживало, что поезд мчится посреди неизвестности, как бы выхватывая из небытия отдельные картины и показывая их ему. Порой он думал, что ни за что на свете не согласился бы жить в одной из глухих деревенок,

мимо которых проносился поезд, а иногда, наоборот, хотел поселиться там – особенно когда в окне уже виднелись горы, тут и там усеянные крохотными белыми домиками.

Умение занять себя делом пригодились Саше. Маме требовался отдых, так что в меру собственных сил она старалась расслабиться, а отца рядом не было – он с ними почти никогда не ездил на юг. Путевки маме давали только на двоих, доплачивать за поездки отец не хотел, поэтому оставался дома, беря дополнительную работу или отправляясь к теще в деревню. С попутчиками мама не заводила дружбу, не желая тратить времени на разговоры, и поэтому Саша тоже редко общался с детьми случайных соседей.

Вспоминая все это, он задремал, а когда проснулся, то не сразу понял, где находится: в купе было темно, лишь уличные фонари скользили по стенам: раз-раз, раз-раз, раз-раз. Вдруг на столик опустилась рука со стаканом воды, и Саша понял, что напротив него кто-то сидит – это была женщина, она смотрела прямо перед собой и была одета в темную водолазку и свободный черный кардиган: на виду оставались только ее лицо и тонкие кисти рук.

– Вы кто? – откашлявшись, спросил Саша и поправил на себе одежду.

– Лена, – неуверенно сказала она. – Да, определенно, Лена. Приятно познакомиться. – Она привстала, одернув водолазку, и протянула ему руку. – А вы как же? Как вас зовут?

– Александр.

Поезд замедлил движение, и на короткое мгновение в купе установилась абсолютная тишина, что казалось невозможным.

– И что же вы здесь делаете? – спросила она, а потом сама усмехнулась нелепости вопроса. – Вернее, я хотела спросить: и куда вы едете?

– Забавно. Вообще это я хотел вас спросить: и что же вы делаете в моем купе?

– В вашем? То есть все-таки проводница перепутала и поселила меня не туда. А я и не посмотрела на номер – куда сказали, туда и пошла. В моем купе должен был быть всего один человек, и когда я зашла, то подумала, вот он, все правильно. – За окном мерцающей темной волной пронесся поезд, и Лена замолчала, а через секунду продолжила, окинув взглядом свой раскрытый чемодан: – Я еще не все вещи разложила, так что, если хотите, я могу уйти, мне это несложно.

Саша посмотрел на Лену, на ее тонкое вытянутое лицо, на растрепавшийся пучок волос, и ему стало жаль ее прогонять сейчас, посреди ночи.

– Вы вот спрашивали, куда я еду, – со вздохом сказал он, усаживаясь удобнее. – Я еду отдыхать, а заодно разобраться с несколькими делами, с собственностью. Надеюсь уложиться в неделю и вернуться в Москву, хотя, может, задержусь и дольше. Но это вряд ли: что там делать, зачем оставаться?

– А в Москве что делать? – она снова усмехнулась неуместности своей фразы. – Простите, я все сегодня говорю невпопад. А кем вы работаете?

– Всем, кто так или иначе связан с текстами: журналист, копирайтер, редактор.

– Журналист – это хорошо... – Лена что-то прикинула в уме. – О чем вы пишете?

– Кажется, обо всем.

– Но ведь есть какие-то любимые темы?

Саша ничего не ответил и посмотрел в окно.

– А мне в журналистах всегда нравилось их умение слушать, – сказала Лена. – По крайней мере, хороший журналист ведь должен обладать этим умением, верно?

– В идеале, да.

– А вы умеете слушать?

– Умею, хотя не слишком люблю. Но это лучше, чем говорить.

– Хорошо, – сказала она медленно, барабаня пальцами по губам, – это хорошо, потому что мне как раз нужно кому-то рассказать, – она улыбнулась сама себе, – что на самом деле я ужасный человек. Некоторые знакомые говорят, что я ошибаюсь, но, мне кажется, они явно

врут. Обманывают, – она посмотрела вниз на свои джинсы, на рукава и принялась отрывать невидимые катышки от мягкой черной ткани. – Да, они мне врут.

Лена снова замолчала, а Саша почувствовал, что медленно проваливается в сон от слабого покачивания вагона. Когда она все же начала говорить, то первые слова как будто утонули в темной воде.

– ...Эта моя любовь, если честно, была редким случаем. Настоящей удачей. Мы почти никогда не ссорились, так только, по ерунде. Путешествовали много. Целовались на Эйфелевой башне, были в Токио. Ели настоящие суши. Он даже как-то меня заставил заняться дайвингом, хотя ведь я терпеть не могу всех этих гадов. Креветок, моллюсков, чешуйчатых рыб. А еще однажды был вечер, и мы сидели с ним на берегу, глядели на волны, и рядом из колонок неслось вот это, знаете, Земфирино: рассве-ты, зака-ты, куда я, туда – ты. – Лена говорила медленно, потом, коротко вздохнув, посмотрела на Сашу. – И как-то Дима решил поехать с друзьями во Францию кататься на сноуборде, он звал меня с собой, но я не смогла, были какие-то дела. Ну и в один из вечеров он звонит и говорит тихо-тихо, таким ужасно бесцветным голосом: «Лена, я лежу в больнице, я повредил позвоночник, и врачи сказали, что я больше не смогу ходить». И расплакался. И положил трубку.

Лена выудила из темноты пачку сигарет и принялась вращать ее пальцами на столе.

– Конечно, я была оглушена этим, я не знала, что делать. Не знала, куда себя деть. Я не могла ему позвонить, не могла представить, что снова услышу этот бесцветный голос. И мне не хотелось верить, что это правда. Несколько дней мы переписывались, договаривались, как доставить его из аэропорта домой. Я делала все это как будто на автопилоте. Заказать большую машину? Закажу. Попросить кого-то из друзей приехать? Попрошу. Узнать, нет ли у знакомых врачей? Узнаю. По ночам я щипала себя за руки до синяков: все это сон, сон, так не может быть. Но так было: вечером, когда я привезла его домой, я легла на диване, а ему постелила постель в другой комнате. Я еще месяц жила с ним, помогала, убирала, возила по врачам. Все сказали, что ничего невозможно сделать. И тогда я однажды собрала вещи и ушла. Все наши общие друзья перестали со мной общаться. Но сестра меня поддержала, хотя в ее взгляде и промелькнуло какое-то... пренебрежение – брезгливая жалость ко мне. Все имеют право на это – я и сама бы, наверное, отвернулась от такого человека, как я. Думаю, и вы тоже. Но обидно, что никто не сделал попытки понять меня. Как и всю жизнь, впрочем. Мне твердили одно: значит, ты его никогда не любила. Любовь, говорили они, побеждает все. А это неправда. Это просто неправда, и только.

Она помолчала.

– Знаете, вчера я впервые была дома у одной своей подруги. Она давно хотела меня позвать к себе, но все не решалась – стеснялась матери: полгода назад ее мать попала в аварию и получила черепно-мозговую травму, так что ничего, кроме самых простых действий, она не может совершать. Она ничего не помнит, никого не узнает – разве что мужа, с которым прожила тридцать лет. Так вот, вместе с ним и моей подругой мы вчера сидели на кухне, пили чай, и вдруг к нам заходит она, эта потерявшаяся женщина: в цветном халате, с пустым выражением лица, со впалыми глазами. Она налила себе воды, выпила машинально, шумно делая глотки, потом подошла к мужу и села к нему на колени, положив руку на плечо. – Лена медленно провела по воздуху рукой, как бы обозначая плечо. – Он улыбнулся ей, и сделал такое движение коленями, как в игре «едем-едем-едем»: гоп-гоп, гоп-гоп. Она сидела невозмутимо, никак не реагируя, а мы молча смотрели на них.

Поезд начал сбрасывать скорость, и тяжелая металлическая зажигалка, которую Лена поставила боком на столе, упала на пол. От близкого звука Саша как будто очнулся и понял, что за окном уже начиналось утро: темное небо постепенно светлело и обретало цвет. Только сейчас он смог отчетливо увидеть Лену: на бледном и чистом лице выделялись темные глаза.

– Смотрите, там, кажется, мороженое продают. И фрукты с чипсами.

Поезд остановился на промежуточной станции. К составам, неся в руках сумки и лотки, потянулись плотные женщины, которые перекрикивали друг друга: соленые орешки, эскимо, пломбир, пирожки с картошкой, пирожки с мясом, с луком.

– Не хотите выйти подышать воздухом? Или, может, вам что-то купить?

– Нет-нет, спасибо. Я, может, сегодня глупо себя веду, но еще не совсем беспомощная. Идите, идите, я тоже, наверное, спущусь, – она смотрела, как Саша надевает рыжую ветровку и достает из сумки кошелек. – И не волнуйтесь, я у вас ничего не возьму. Мне ничего не нужно, – с усталой улыбкой сказала Лена.

Спрыгнув на перрон, Саша поежился от холода – он всегда забывал, как промозгло бывает ранним летним утром. Вокруг медленно ходили пассажиры, разминали суставы, кто-то харкал в сторону. Люди суетились и покупали газировку, соленые крекеры, фисташки, семечки, тот самый пломбир – они с ленивым нетерпением ждали отправления поезда. Саше казалось, что в воздухе запахло морем: потянувшись до хруста в позвонках, он закурил и посмотрел в сторону – у самого горизонта появилась едва заметная розовая полоса, контуром обведшая далекие темные горы.

Когда он вернулся в купе, Лены там уже не было.

* * *

Саша ворочался на высокой кровати, и при каждом движении под ним поскрипывала старая сетка. Над его постелью тяжело нависали ряды полок – на верхних громоздились кучи старой одежды, тускло поблескивая пуговицами и молниями, а на полках чуть ниже были свалены толстые книги вперемешку с грампластинками. Там же стояли разносортные стеклянные банки, наполненные мелочью из прошлых десятилетий, валялись значки и жетоны. Ближе к дверному проему, не до конца закрытому плотной шторой, висели часы с неработающими ходиками.

Утопая головой в подушках, он изо всех сил старался не заснуть: каждый вечер Саша обещал себе проснуться раньше бабушки. Его разбирал смех при мысли о том, как она испугается, как загремит ведрами во дворе, когда он неожиданно выскочит из-за кустов, – будет весело и хорошо. Но, увы, пока у него ничего не получалось, как он ни старался: ложился спать еще при свете, пил воду бутылками на ночь, чтобы проснуться часа в четыре утра, но без толку – бабушка опережала его, и когда Саша просыпался, в комнате уже пахло блинами или сдобой, по всему дому слышались торопливые шаги, то и дело кто-то хлопал дверью, а на оранжевых половых досках медленно разрастался луч света.

Так случилось и сегодня, хотя прошедшей ночью Саша решил и вовсе не спать, раз уж проснуться вовремя ему не удавалось. Он вспоминал разные страшные истории, чтобы не сомкнуть глаз, то и дело кусал себя за руку, держал пальцами веки, но это не помогло: в полночь он заснул крепким сном. Когда Саша открыл глаза, то от удивления и разочарования, что его дело снова провалилось, подскочил на кровати и, потеряв равновесие, свалился на пол, ударившись плечом. На глухой стук прибежала старшая двоюродная сестра: отдернув штору, она стала смеяться над ним, а он едва смог скрыть огорчение.

– Давай, Сашка, не плачь, лучше иди есть: я все утро на кухне провозилась, чтобы хоть что-то приготовить, а ты только спишь и спишь. Омлет будет невкусным, если остынет, ты же знаешь.

– И ничего ты не готовила, – ответил Саша, выпутавшись наконец из одеяла, – бабушка все готовит, а ты только помогаешь ей.

– Нет, сегодня завтрак делала я, – возразила сестра после короткого молчания, – бабушка ушла рано по делам и вернется не скоро. Может, и не сегодня даже.

– Это еще почему? – встрепнулся Саша.

– Она разбудила меня и сказала, что ей нужно поехать в город, бумаги какие-то подписать. Ей что, у тебя разрешения спрашивать? – Наташа вдруг неловко начала смеяться, но быстро перестала. – Ладно, надеюсь, омлет тебя не разочарует, я старалась. Помой руки и приходи.

Вода в раковине была холодной, а омлет – пересоленным и тонким: совсем не такое утро, как при бабушке. Она всегда давала ему с собой теплой воды в чайнике, а к омлету полагались блины с вареньем, оладьи со сгущенкой или только приготовленные пирожки с малиной или клубникой. Позавтракав, Саша взялся мыть посуду, рассеянно глядя в окно: сад, утопавший в сиреневых пионах и кустах смородины, тянулся от дома до самого забора и как будто блестел на солнце. На часах уже давно пробило одиннадцать, и, закончив с посудой, Саша пошел собирать ягоды, как просила Наташа, пока жара стояла не такая сильная. Терпения у него надолго не хватило, и уже минут через двадцать его утомило поручение сестры – оставив бидон в густых кустах, он вышел за калитку, где стал обрывать и есть вишню. Небольшие темные ягоды были вязкими и кислыми.

Саше было скучно. Будь у него брат-ровесник, он мог бы с ним играть, а так – была только Наташа, которая вечно строила из себя взрослую: либо занималась хозяйством, либо бегала с подругами гулять на дачи с парнями. «А ты будь хорошим мальчиком, понял?» – говорила она на прощание, хотя Сашу можно было не просить об этом: он был даже слишком хорошим мальчиком, отчего с друзьями в деревне у него были явные проблемы. А еще, если быть честным, он стеснялся своей полноты и неповоротливости и боялся, что за это над ним станут все смеяться, как бывало в городе не раз. Впрочем, парочка друзей у него все же имелась: соседский худенький мальчик Леша, которого страшно бил отец, всегда одетый в безразмерную коричневую куртку, и Света – девочка из голубого дома напротив: приветливая и аккуратная, с русыми волнистыми волосами.

Увы, но по утрам они всегда были чем-то заняты – Алеша по хозяйству помогал отцу (или прятался от него), а Света прилежно читала книги и подолгу готовилась к выходу на улицу.

Отломав ветку вишневого дерева, Саша ободрал на ней листья и пошел по дороге в сторону автобусной остановки. По пути он решил заглянуть к бабе Нюре, посмотреть, что она делает, – старушка была лучшей подругой бабушки и, по подсчетам Саши, на восемь лет старше нее (столько как раз было ему). Спрятавшись в кусты у ее дома, он подсматривал, как она тяжело кряхтела, подметая дорожку в саду. Вдруг на Сашу со спины с лаем набросилась собака – от испуга он даже не сразу в ней признал свою любимую рыжую Радую, огромную дворнягу, жившую у бабы Нюры. Она свалила его с ног и, прижав к земле, начала вилять хвостом так сильно, что у Саши все тело заходило ходуном. Если бы не окрик старушки, так бы он и пролежал под Радой полдня.

– А ну иди сюда, дура рыжая, это же Сашка, зачем ты его калечишь-то!

Рада слезла с мальчика и побежала к хозяйке, закрутившись вокруг нее.

– Ты чего бродишь один, а? Где бабка твоя?

– Да она... – начал Саша, вставая на ноги и отряхиваясь от земли. – Она в город уехала.

– Зачем же? – удивленно спросила баба Нюра.

– Не знаю, Наташа говорит, что бумаги подписывать какие-то.

– Бумаги? Да не надо ей подписывать никаких... – она смотрела на бетонную дорожку и возила по ней веником. – Тоже мне выдумали! А у тебя деньги на мороженое есть?

– Не-а.

– И у меня нет, – старушка засмеялась и опустила руку в карман платья. – Вот тебе сахарный кубик, возьми: во время войны моя тетка нам давала по такому кубичку на день рождения, как десерт. А перед смертью она собрала нас всех и все приговаривала: «Солнышки мои, на кого же вы у меня останетесь?..» Имен уже вспомнить не могла, поэтому всех называла солнышками, чтобы не перепутать. А оставила она нас на своего мужа – ух и бил же он меня,

чудовище! Ну ладно, бери сахар, бери. – В мягкой и влажной руке она протянула Саше сероватый кубик. – Беги домой и бабушке, как вернется, привет от меня передавай.

Конечно, он не стал есть сахар: вернувшись домой, он попытался скормить его курам, но без особого успеха – куры боялись Сашу, который гонялся за ними по всему двору, так что, заслышав его шаги, они бросались врассыпную, кто куда – кто за сарай, а кто и вовсе проворно бежал в огород, прячась в зарослях гороха, обвивавшего ряды тонких высоких прутьев.

После визита к бабушкиной подруге день пошел в обычном русле. В ожидании обеда Саша прошелся по картофельным грядкам, высматривая колорадских жуков и их красных личинок и, если находил кого, бросал в мутноватую пластиковую бутылку, которую прихватил с собой. Как раз когда он закончил ежедневный осмотр, Наташа позвала есть: проходя по двору, он опять услышал испуганное кудахтанье кур, бросавшихся наутек, и подумал, что курицы очень глупые существа.

На обед сестра разогрела вчерашние щи. Саша не любил их, но сегодня отчего-то они ему понравились: он ел их из эмалированной железной миски, украшенной васильками, и смотрел на аккуратно застеленную бабушкину кровать – стол находился в самой большой комнате в доме, где она спала. Солнце бродило по кофейному пледу и ковру, висевшему на стене, а тени от яблочных веток двигались за ним. Полуживая крупная муха лениво стучалась в стекло, оказавшись в узком промежутке между белым кружевным тюлем и окном. Уставая, она садилась на деревянный подоконник и бродила по нему взад-вперед, а Саша смотрел на нее и вдруг понял, что сейчас уже середина июля и половина лета прошла.

– Так, бери своих друзей и пойдем со мной и Стасом на дачный пруд, – сказала Наташа, неожиданно вбежав в дом: она сильно хлопнула дверью, так что рамы затряслись. – Давай, давай, не спи, пойдешь хоть искупаешься, чего тухнуть здесь.

До пруда нужно было идти через большое поле минут пятнадцать, а потом еще немного по Земляничной дачной улице. Переодевшись в плавки и голубые шорты, Саша побежал за Светой и Лешей, и уже после, все вместе, они пошли за огороды, где их встретила Наташа. Она тоже успела подготовиться к прогулке – вместо привычного джинсового комбинезона надела кружевное платье с тонкими бретельками, крупные солнцезащитные очки (подарок ее умершей мамы – они были с потрескавшейся дужкой, но все равно красивые) и взяла вязаную сумку через плечо.

– Видно, что для Стаса своего готовилась, – шепнул Алеша на ухо Сашке и цокнул языком.

Стас догнал их на полпути к пруду – запыхавшись, он приобнял Наташу одной рукой и звонко поцеловал в щеку. У него были прямой нос, большие губы и глаза миндального цвета – семнадцатилетний парень был главным красавцем в деревне, крепким и загорелым, и отлично это знал. С Наташей он обращался по-свойски, а с детьми ласково, хотя и чуть свысока, с легким пренебрежением.

– Ну что, взяли с собой газировку и картошку, а, малышня? – широко улыбаясь, спросил он, обернувшись к Саше с друзьями. – Пожарим ее, пока сохнуть будем, а может, она и так испечется в сумке, жара сегодня дикая! – он стянул футболку, перебросил ее через плечо и стал что-то шептать Наташе, которая то смеялась, то хлопала его по спине – не сильно: на загорелой коже оставались светлые следы и быстро исчезали.

После того как они искупались, Саша лежал на покрывале и обсыхал: он смотрел, как Наташа и Стас выходят из воды. Они были красивыми – и его сестра, и этот парень. Саше в его неказистом белом теле тоже хотелось быть красивым, похожим на них. Не то чтобы ему не терпелось целоваться с кем-то или, не дай бог, иметь такие же волосатые ноги, как у Стаса, но он понимал, что не ровня этим двоим, – а хотелось бы. Это чувство, помноженное на разницу в возрасте и свободу, бывшую в распоряжении Стаса, вызывало в нем зависть и приятную грусть, которую он неосознанно ощущал, перебирая в руках цветные бутылочные осколки.

Солнце пошло на убыль, и он с друзьями решил навестить их секретное место – сложив печеную картошку в рюкзак, Саша предупредил Наташу, что будет к вечеру. Они с Лешей и Светой побежали в березовую рощу, разросшуюся посреди поля между деревней и дачами. Роща была тенистой, хотя и не слишком большой – ее можно было пробежать насквозь за каких-нибудь десять минут, однако из-за плотного роста деревьев казалось, что перед тобой настоящий лес. В ней и располагался их тайник: пару лет назад кто-то вырубил здесь часть берез и решил построить дом. Дело не заладилось, хотя три стены из крепкого бруса поставить все же успели. Открытую сторону Саша с друзьями забросали тонкими поваленными деревьями, обтянули выцветшими наволочками и простынями, а крышу выложили кусками шифера.

У пустого окна, задернутого красной шторой, был обустроен стол. Из старых досок Саша сколотил несколько стульев – неказистых, конечно, но в этом и суть: здесь все было сделано своими руками. Они втроем этим гордились – особенно Света, которая играла роль хозяйки и каждый раз, когда они решали идти в рощу, таскала из дома еду для мальчишек – то мороженое, то «Сникерсы», то яблочную пастилу. Теперь все расселись за столом, и Саша вытащил из рюкзака картошку, пропахшую костром, а девочка достала пакет с воздушной кукурузой и пластиковую бутылку с темной вишневой жидкостью.

– А это что? – спросил Леша, указывая на бутылку. – Не говори, что это вино.

– Да-да, это вино, – с плохо скрываемой гордостью заявила Света, откинув назад светло-русые волнистые волосы. – Пока родители ушли, я успела немного перелить: давно хотела попробовать.

– Ну, даже не знаю, я вот у отца пробовал пиво, так это просто дрянь, – сказал Леша и задумался. – А вино не пробовал: у папаши денег на него нет, он и так должен всей деревне.

– Если бабушка узнает, она меня точно убьет, – вставил Саша.

– Кстати, а что с твоей бабушкой, обычно я вижу ее днем в деревне, а сегодня нет. Заболела? – Леша порылся в сумке и нашел там два пластиковых стакана.

– Да нет, поехала в город с бумагами разбираться. Правда, странно, что она ничего не рассказывала об этом, да и неожиданно, обычно она туда ездит днем, а не с самого утра.

– А сколько бабушке лет? – участливо спросила Света.

– Кажется, семьдесят пять или семьдесят шесть.

– О! Так это она может в больницу умирать поехала? – со смешком сказал Леша, протягивая стакан Саше и Свете. – Мои бабки в шестьдесят с чем-то померли, я их даже и не видел никогда. А тут – семьдесят пять лет! Ну ладно, давайте пробовать вино.

Леша медленно, с опаской, поднес бутылку ко рту, а Света начала маленькими глотками пить мутноватую красную жидкость с терпким запахом.

Саша видел все это, как в замедленной съемке, потому что Лешины слова его поразили, и он даже не сразу смог найти, что сказать в ответ. Может, он прав и она действительно поехала умирать? Она ведь и правда плохо себя чувствовала в последнее время. Но неужели бы она ему не сказала?

– Да нет, не может этого быть! – возразил Саша и выпил половину стакана вина залпом, отчего ему показалось, что кто-то ударил его по затылку: голова закружилась, и, упав навзничь в опилки, он испачкал голубые шорты остатками вина.

– Эй, эй, что с тобой?! – в один голос вскрикнули Леша и Света и бросились к нему. Леша хлопал его по щекам, а Света с умным видом сжала вену на запястье, будто бы собравшись считать пульс, – правда, часов у нее не было, так что идея не увенчалась успехом.

– Да ничего, ничего, успокойтесь. Со мной все в порядке, – слабо сказал Саша и, приподнявшись, облокотился на стену. – Смотрите... дождь пошел.

Вначале они обрадовались дождю, надеясь переждать его, доедая картошку вприкуску с воздушной кукурузой, но тучи на глазах как будто тяжелели, и дождь превращался в ливень.

Близко-близко грохотал гром, а на земле, освещенные молниями, появлялись страшные извилистые тени деревьев. Ветер громыхал шифером, намереваясь срывать его с крыши слой за слоем.

– А вы знаете, что такое шаровая молния? – спросил Саша и нервно засмеялся.

– Да молчи ты уже, Сашка, черт возьми, сейчас как вмажу тебе!

– Не ссорьтесь, все еще не так плохо, – воспитательным тоном начала Света, однако как раз в этот момент увидела, как струя воды течет от импровизированной стены дома прямоком к их столу, – хотя нет, можете продолжать: теперь все действительно плохо.

– Наше судно дало течь и мы все умрем? – с веселостью в голосе спросил Саша.

– Ты еще посмейся, посмейся, дурень! А ты, Светка, не бойся: дам, как известно, первыми пропускают к шлюпкам.

Все трое начали смеяться, а потом одновременно перестали и забрались на длинную лавку у стены, принявшись гадать, достигнет ли вода их уровня. В этот момент недалеко от дома послышались крики: «Саша, Саша! Ты здесь? Саша!»

– Наташа, мы здесь, мы где-есть! – закричал Саша. От возбуждения он даже соскочил с лавки, промочив ноги, и запрыгал на месте: – Мы здесь, мы здесь, в доме!

Тяжело ступая в резиновых калошах, в их убежище зашли Наташа со Стасом – они были одеты в дождевики и принесли для них сменную одежду. Когда все переоделись, Стас посадил Свету на спину, и все вместе они пошли домой.

В поле было уже совсем темно, дождь лил с огромной силой, так что казалось, будто все вокруг покрылось тонкой пленкой воды: в ней отражались вспышки молний, и от этого становилось жутко.

– Я думал, мы там на ночь останемся, – сказал Саша, догнав сестру, освещавшую путь папиным фонарем.

– Ага, а мне потом голову бы оторвали за тебя, – откликнулась Наташа и посмотрела на него.

– Прости... Я даже не знал, что ты найдешь нас, это же секретное место.

– Ха! Секретное. Ну конечно. Какой бы я была сестрой, если бы не знала все эти ваши секретные места. Даже не надейся, я знаю все. Но вот про вино обещаю не говорить. Если и мне достанете, – Наташа засмеялась, но ее смех оборвал сильный раскат грома, от которого даже она поежилась, а Стас на секунду испуганно остановился и пригнулся.

Подходя к дому, Саша увидел, что в окнах не горит свет, а его темные глазницы, окаймленные белыми резными рамами, то и дело вспыхивают от грозы. «Ну вот, значит, бабушка так и не приехала», – подумал Саша. Зазвенев ключами, Наташа открыла дверь и выпустила ребят.

– Так, все идите переодеваться в сухое, а потом возвращайтесь сюда – будем пить чай, я воду пока разогрею, – строгим голосом командовала сестра. – А ты, Стас, сбегай к соседям – скажи, что все дети нашлись.

После чая за Светой пришли родители, а Леша остался ночевать в гостях – Наташа постелила ему в общей комнате. Пожелав Саше спокойной ночи, она ушла со Стасом в другую половину дома: он обнимал ее за талию, а она смеялась и в шутку говорила, что сейчас выгонит его за дверь.

– Эй, там, всем доброй ночи! – сказал Саша и, не услышав ответа, ушел в свою комнату, задернув плотную штору.

Только оказавшись в кровати, он понял, как сильно устал. У него раскалывалась голова, он был потным, и ему казалось, что одеяло сдавливает тело, а мягкие подушки не дают свободно дышать. Он вспомнил сегодняшний день – смородину, и сверкающий пруд в зеленых листьях, и цветные осколки, и потоп, и грозу, и то, что бабушки нет. На последней мысли он остановился и почувствовал такую тоску, что заплакал. Саша плакал долго – ему казалось, что слез должно хватить на целое море, и когда он едва успокоился, то понял, что оказался прав.

Вокруг него было бескрайнее темное море, и кровать неслышно покачивалась на черных волнах, брызги от которых попадали на лицо и руки.

Покрепче обняв подушку, он смотрел по сторонам и не мог понять, что же делать, и вдруг кто-то положил руку ему на плечо. Он вздрогнул, оглянулся и увидел, что позади него на кровати сидит бабушка, поджав под себя ноги, и одними губами говорит: не бойся, не бойся, только не бойся, все хорошо. Бабушка сидела в белой свободной сорочке с едва заметным узором из голубых васильков – она была даже чуть моложе, чем на самом деле: красивой, с длинными седыми волосами. Саша хотел ее обнять, но откуда-то точно знал, что делать этого нельзя – у него опять задрожали губы, и он зажмурился, чтобы не заплакать.

Бабушка провела ладонью по его лицу снизу вверх, открывая ему глаза, и сказала вслух, улыбаясь: «Саша, прощай». Затем, будто в замедленном кино, опустила ноги в черную воду и соскользнула в темноту, оставив его на кровати-корабле, качавшейся на волнах. Сашу начало бросать в жар и в холод, страшно ломило суставы, но еще больше болело все внутри, как будто воспалился каждый орган, и тогда он решил тоже свесить ноги в темноту и спрыгнуть – но когда он собрался потрогать воду рукой, на горизонте прорезалась ослепительная молния, и следом донеслись раскаты грома. Снова и снова взблескивали зарницы, и оглушительный треск закладывал уши, и в этом треске он слышал, как его зовут: Саша, Саша, Саша.

– Саша!

Когда он очнулся, первое, что увидел, – склоненное лицо Наташи и яркий свет.

– Господи, ну наконец-то ты проснулся, ты кричал во сне, и я уже испугалась, что тебе стало хуже.

Он медленно сел на своей высокой кровати, потом неуверенно с нее спустился и молча вышел в большую комнату. Там никого не было, а кровать, где спал Леша, была застелена.

– Где Леша, он уже ушел?

– Конечно ушел, причем дня три назад. – Наташа улыбнулась. – У тебя была настоящая лихорадка, ты несколько дней почти не приходил в себя, я даже доктора тебе вызывала из города. Но хорошо, что все хорошо. Ты пару раз вдруг как будто просыпался и нес абсолютный бред. В принципе, это было смешно. – Сестра потрепала его за волосы. – Ну, иди ешь и собирайся встречать маму. Сегодня суббота, она точно придет.

Саша так обрадовался новости, что даже слегка подпрыгнул на месте, а потом, изменившись в лице, посмотрел на Наташу:

– А как бабушка? Очень волновалась за меня?

Сестра уперлась одной рукой в бок и поджала губы.

– Что? Что-то не так? Давай, скажи что-нибудь.

– Ну, она еще не вернулась, понимаешь. Не вернулась... – Она задумалась. – Ты лучше позавтракай и иди встречать маму, она уж точно на все твои вопросы ответит.

Пока Саша завтракал остывшей и совсем невкусной рисовой кашей, он медленно осматривал кухню и понимал, что за три дня здесь многое поменялось: посуда свалена в раковине, пол грязный, не как при бабушке, чашки на полках переставлены местами, а одна, разбитая, осколками лежит у окна. Все было не так, и даже как будто пахло от тарелок иначе – но самое ужасное было то, что через кухню в дом входили какие-то незнакомые люди, здоровались с Наташей, глядели на него, а потом осматривали дом – стены, двери, потолок, лампочки в гостиной. Спросить у Наташи, кто это, он не решался. Он постарался побыстрее закончить с едой и пойти ждать маму на остановку.

Когда Саша вышел во двор и во все легкие ртом втянул воздух, у него закружилась голова, и от этого показалось, что на улице тоже как будто все поменялось. Дело было не только в перестановке вещей – лопат, граблей, пленки для грядок, – нет, все было хуже: на глазах предметы становились зыбкими и как будто неуверенными в самих себе.

Сильно мотнув головой, Саша пошел к калитке, а затем дальше и дальше по улице, вплоть до разросшегося сиреневого куста, прикрывавшего заброшенный участок со сгоревшим домом. Там он свернул за угол и направился вверх по дороге: солнце слепило глаза, и он надеялся, что встреча с мамой, которая добиралась сюда из города на электричке и автобусе каждые выходные с сумками наперевес, расставит все по своим местам. Он обожал ее, и пять дней без ее внимания было для него многовато – он по ней скучал и начинал ждать еще с пятницы.

Наконец, вдалеке появилась чья-то фигура – только через несколько минут он смог различить, что это мама.

– Эй, привет, привет! – закричал он ей, бросившись навстречу. – Как ты доехала, как дела? – спрашивал он у мамы, уже обнимая ее.

Она поставила сумки на пыльную землю и, поцеловав его в щеку, вытащила из одной из них сливочный рожок.

– Давай я понесу сумку. А почему ты вся в черном, тебе не жарко? На улице тепло. Кстати, и еще, а что с бабушкой случилось? Наташа сказала, что лучше спросить у тебя. Вот, спрашиваю!

– Саша, Саша, подожди, дай секунду перевести дух, и пойдем дальше. Вначале я отвечу на твой последний вопрос, только ты не волнуйся, пожалуйста. – Она замаялась и посильнее обняла его. – В общем, бабушка лежала в больнице, и вчера – вчера вечером она умерла, понимаешь. Родственники какие-то, наверное, сегодня приедут, папа тоже поближе к ночи доберется, все будет хорошо, не переживай...

– И я больше никогда не увижу ее?

Мама покачала головой – она стала говорить что-то еще, глядя Сашу по голове, но он уже ничего не слышал, только появился какой-то шум в голове. Почувствовав, что к глазам подступают слезы, он вырвался из объятий и сказал, что все это неправда, что это обман и бабушка просто не могла умереть. В растерянности мама развела руками, но он только повторял, что бабушка не могла умереть, хотя бы не попрощавшись с ним.

– Как же тебе это не понятно, что так нельзя, что она бы так никогда не поступила!

Саша топнул ногой и бросился бежать по дороге назад, потом свернул во дворы, и дальше, дальше, быстрее ветра – он пробежал мимо сельского клуба и небольшой водонапорной станции, не чувствуя ног, с горящим лицом. Только за деревней он остановился – перед ним было огромное поле, и он, переводя дух, никак не мог совладать со слезами, которые все появлялись сами собой. Саша смотрел на землю в зеленой высокой траве, на игрушечные дачи, раскинувшиеся за полем, на небо в низких перистых облаках и не знал, что теперь делать. В этот момент перед его взглядом само собой появилось лицо бабушки, ее руки с большими ладонями, и он почувствовал их пряный запах, и вспомнил ее голос, и понял, что уже не увидит ее. С новой силой он пустился бежать – скорее, подальше от деревни, не то эта вчерашняя ночная темнота приберет к рукам и его. Не оглядываясь, видя перед собой лишь размытые голубые и зеленые пятна, он бежал к своему убежищу, и когда зашел внутрь и прикрыл вход плотной красной скатертью – отчего стены окрасились в рубиновый цвет, – он сел на лавку, стоявшую в углу, зажал уши руками и зажмурился.

Главное, не поднимать голову и не смотреть вокруг, думал он, чувствуя, что если поступит иначе, то сразу, вмиг, исчезнет: в деревне, в поле, в роще рыскало темное безглазое чудовище с надвинутым до страшного искривленного рта капюшоном, и от него веяло зябким холодом, веяло пустотой. Безжалостное и беспощадное, оно отбрасывало тень на все вокруг – на каждый предмет, от стола до голубой рубашки, и портило его, отравляя, заражая собой: выбираваясь по ночам из-под земли, оно принималось, прислушивалось и всегда находило того, кого заберет сегодня. Оно утатило бабушку, оно однажды утащит за собой и его самого. «Ведь так, Саша, ведь так, Саша, ведь так, Саша?» – стучало в голове, стучало, как барабанная дробь, и от ужаса он закричал и сжался на лавке, но страшный голос не замолкал.

2

У вокзала Саша поймал такси, чтобы добраться до своего городка. Еще в Москве он прочитал в интернете, что ничего особо примечательного там нет, разве что полуразрушенная гемузская крепость иногда привлекает туристов. На нескольких сайтах также говорилось, что мимо этих мест когда-то проезжал Лермонтов и даже останавливался в путевой гостинице неподалеку от центра города, съел в одном из здешних ресторанов рябчиков, выпил бутылку вина, после чего много скандалил, – и уехал расстроенным дальше на Кавказ. Понятное дело, такие выдумки не слишком влияют на имидж города, но это уже и не важно – Сочи совсем скоро поглотит, переварит, прирастит к себе все поселки и крохотные городки, рассыпанные вокруг него.

Перед глазами потянулись леса и горы, близко подобравшиеся к воде, и эта палитра – синяя, зеленая, голубая – смешивалась от быстрого движения, и ветер обдавал лицо соленым воздухом. Водитель включил радио, и салон утонул в этнической музыке: печальные трубы, короткие переливы флейты, текст на плохом русском языке. В какой-то момент машина слегка подскочила, как будто проехала по насыпи. Саша посмотрел в заднее окно и сказал остановиться. Выйдя из автомобиля, он увидел окровавленный труп кошки – голова и передняя часть туловища были раздавлены, только задняя лапа судорожно тряслась мелкой дрожью.

– Ну, зато умерла быстро, жаловаться не на что, – сказал водитель и сплюнул на асфальт.

Саша отошел в сторону и закурил. Он посмотрел вниз – они остановились далеко от Сочи, у самого начала горной дороги: перед ним раскинулась пустошь с редкими белыми и розовыми домами высотой в несколько этажей, а чуть дальше сверкало море. Саша скучал по нему – когда он долго не отдыхал, то посреди дня прямо в офисе или дома мог начать представлять, будто за окном блестят волны, а в небе кружат чайки, перекрикивая друг друга. Теплый воздух медленно наполнял легкие. От этого убедительного миража на секунду ему становилось спокойно, словно он переносился в укромный мир, недостижимый для всех остальных.

Становилось по-настоящему жарко. Он представил, как через какое-то время на теле кошки появятся мухи, черви, и оно окончательно перестанет напоминать само себя – живое существо, которым было недавно. Стоило убрать ее с дороги, но при мысли, что нужно будет дотронуться до мертвого тела, у него скрутило живот.

Через несколько часов таксист привез Сашу по нужному адресу – он высадил его у трехэтажного старого дома. Судя по колоннам и остаткам лепнины, дом был построен еще до революции. Лифта в нем не было, однако полукруглая каменная лестница впечатляла. Закрыв за собой тяжелую музейную дверь, Саша сразу услышал эхо от колес чемодана и собственных шагов. Во всем доме насчитывалось не более двух десятков квартир, и, если верить окружающей тишине, здесь мало кто жил. Дойдя до третьего этажа, он прошел по небольшому коридору, выложенному рассыпающимся деревянным паркетом, и уткнулся в железную дверь – девятнадцатый номер, его.

В большой трехкомнатной квартире с высокими потолками было мало мебели, и от этого она казалась еще просторнее. Оставив чемодан в холле, Саша бегло осмотрел комнаты: везде мягко скрипели полы, везде были поклеены светлые бежевые обои с тонким цветочным узором. Как раз перед отъездом Саши мама рассказала ему, как получилось, что Валя, сестра бабушки, осела здесь, недалеко от Сочи, а не осталась в Москве. В середине тридцатых они переехали в столицу из деревни под Кемеровом: девушки были совсем молодыми, когда у них умерли отец с матерью, и родственники посоветовали им отправиться в Москву. По приезде в город они работали кем придется, на заводах и швейных фабриках, и быстро вышли замуж перед самой войной. Мужей отправили на фронт, но оба чудом выжили и вернулись обратно: один целым и невредимым, а второй – без ноги. Это был Валин муж.

Едва ли не напрямую из Германии благодарное руководство страны хотело отправить его умирать то ли на Соловки, то ли на Валаам, но в последний момент как будто бы кто-то его пожалел и отпустил на время домой. До Москвы он добирался долго и через силу, ему было стыдно показаться жене в таком виде. Он был красивым вихрастым парнем, крепким, а теперь что? Через неделю после того, как он появился дома – и как счастливая Валя усадила его за стол, и накормила супом, и обняла, целуя в ухо, в нос, в щеку, – за ним пришли из НКВД и забрали. Из разных источников до Вали доходили слухи, что его обвиняли то ли в разбое на немецкой территории, то ли в мужеложстве, то ли в попытках побега с фронта – ей это было все равно, будь даже каждый из названных пунктов правдой. Мало кто ждал возвращения мужа так, как ждала она – с войны, а потом из лагерей, откуда он вернулся только в 1954 году, уже после смерти Сталина.

Она не знала и никогда не спрашивала, как ему удалось продержаться все эти годы и выжить и что из обвинений было реальностью, если было. Когда он вернулся домой, уже навсегда, она неделю не отходила от него ни на шаг, боясь, что его снова заберут или он просто исчезнет, растворится в воздухе. Она обнимала его, гладила волосы. А однажды в почтовом ящике нашла записку с одним только словом, написанным угловатым мужским почерком: «Прости». И еще лежали ключи и напечатанная инструкция, к кому и где нужно обратиться, чтобы переехать из Москвы поближе к морю. Собрав вещи, она наспех попрощалась с друзьями и вместе с мужем отправилась в путь. Потом она редко связывалась с сестрой, переехавшей в Подмосковье, – только после смерти супруга Валя стала отправлять ей длинные письма, в которых рассказывала о своей повседневной жизни, о тоске, о болезнях, о море: сегодня оно было синим, а вчера – бирюзовым. Потом умерла и сестра, и она несколько раз писала Сашиной матери, но та отвечала ей скупо – не столько из равнодушия, сколько из-за вечной нехватки времени. Последнюю весточку Валя отправила ей уже из больницы: она знала, что не выйдет оттуда, и потому в конверт положила ключи от квартиры.

На кухне почему-то была открыта форточка. На столе сидел воробей, и когда Саша вошел, он принялся клевать выцветшую скатерть: тук-тук, тук-тук. Потом он посмотрел на Сашу удивленным взглядом – как у всех воробьев – и улетел. Спустя пару секунд раздался звонок в дверь: пришел риелтор, к которому мама еще в Москве посоветовала ему обратиться.

– Добрый день, Сашенька, добрый день! – сказал Петр Николаевич, плотный старичок в белых широких брюках и полурасстегнутой рубашке. Он сразу пошел на кухню. – Вы уж простите, Сашенька, что я обувь не снимаю: наклоняться очень тяжело в мои семьдесят два года! Эту энергию я лучше в какое-то полезное дело пушу, да, – он пододвинул к себе табуретку и достал из сумки папку с бумагами. – Ну что же вы стоите, Сашенька, берите стул, присаживайтесь, сейчас быстренько поговорим, да я пойду – день такой хороший, чего зря в квартире киснуть.

– Может, вам чаю или... – Саша в растерянности вспомнил, что еще даже не распаковал вещи. – А впрочем, я пока не притрагивался к чемодану.

– Ничего-ничего, это нормально, все хорошо. Ну присаживайтесь, присаживайтесь уже. Вот, так-то лучше, – кивнул он одобрительно, когда Саша наконец сел напротив него. – Значит, спешу вас обрадовать: квартиру мы вашу продадим в короткие сроки, я уверен в этом абсолютно.

– Это хорошо, это хорошо... – ответил он и посмотрел в окно, где виднелась пустая набережная. – Правда, я не очень понимаю, каким образом: кажется, денег здесь у людей нет.

– Ну, денег у простых людей в нашей стране нигде нет, как вы знаете, но мы же с вами не планируем продать квартиру за бешеные миллионы, правда? А за приемлемую сумму у меня уже есть несколько покупателей. Дом, на секундочку, действительно очень хорош, отлично сохранился с начала XX века, а это редкость. Так что если сделать в квартире минимальный

ремонт и выбросить весь хлам к чертовой матери, здесь можно вполне уютно обустроиться. Как думаете?

– Да, конечно. Только не называйте эту мебель хламом. Не то чтобы мне обидно, просто как-то не слишком вежливо, знаете, – сказал Саша, закурив. – Все же здесь жила моя родственница.

– Ах да, Валенька, помню-помню ее, – он засмеялся неприятным рыхлым смехом, как будто хлюпал мокротой, – чудесная была женщина, безотказная, если вы понимаете, о чем я говорю. Как-то раз я с ней даже... – Старичок игриво поерзал на стуле. – Ох, а у вас и правда непростой характер, Сашенька, что же вы на меня так тяжело смотрите? Прямо-таки, знаете, айсберг в океане! – Он снова прыснул со смеху и хлопнул себя по коленкам.

– Когда ждать первых покупателей? – спросил Саша.

– Да я на этой неделе всех к вам перевожу, если захотите. Но вы меня перебили, а я ведь не сказал еще кое-что важное – может быть, даже самое главное. Дело в том, что здесь, в городе, планируется начать сразу несколько крупных строек, чтобы привлечь туристов и разгрузить Сочи. Я видел предполагаемые планы строительства. На месте этого дома, в том числе, хотят возвести что-то вроде «Хилтона» или «Ритца» – вы уж простите, я не сведущ в этих брендах, но зато я знаю застройщиков, и как только решение утвердится, они будут готовы тут же заплатить хорошие деньги налом, если обойдется без шума, конечно.

– То есть дом снесут?

– О, да! – Старичок подпрыгнул. – Снесут-снесут: в щепки, в пыль. Все здесь сровняют с землей, как будто и не было ничего. Вот-вот уже должны решить застройщики этот вопрос с властями, и... Вам даже дадут вывезти куда-нибудь всю эту рухлядь. – Риелтор достал из Сашиной пачки сигарету и тоже закурил. – Ах, простите, я снова невежливо разговариваю.

– О чем-то еще мне нужно знать?

– В общем, это все. На вашем месте я бы пока не торопился приглашать сюда обычных покупателей – больше мороки, больше бумаг. Если стройку утвердят, не отказывайтесь от предложения компании – сожгут дом, сами понимаете, сожгут. Прямо вместе с мебелью и жильцами. Казалось бы, мне должно быть это безразлично, а у меня отчего-то сердце болит, ничего не могу с собой поделать. Ну ладно, я пойду, а вы располагайтесь. Кстати, пока я не ушел: этажом ниже живет сын моих давних знакомых, он наверняка к вам заглянет. Пожалуйста, вы уж не отказывайте человеку в общении: меня знакомые попросили приглядеть за ним. Он славный парень, хоть и немного издерганный, нервный. Но с кем этого не бывает! Вы поболтайте с ним, сходите куда-нибудь: и вам весело, и ему хорошо. К тому же он тоже продает квартиру, так что у вас будет общая тема, да и сможете не продешевить в цене, если что.

– Странная просьба.

– Ничего странного – обычная человеческая просьба, – сказал старик, собравшись уходить. – И да, все хотел спросить: как там ваша мама поживает, у нее все в порядке? Когда мы с ней общались по телефону, у нее был как будто взволнованный голос.

– Все нормально, не переживайте.

– Переживать не буду, но вы уж поберегите ее, будьте с ней поласковее. А то, знаете, у нас в городе так много стариков живет, что каждый день у каких-нибудь знакомых обязательно умирает очередной родственник. Тут уж волей-неволей начнешь пристальней следить за здоровьем.

Разобрав чемоданы, Саша решил прогуляться и заодно купить продукты. Как и в любом не особо крупном приморском городке, оживленными здесь были только набережная и центральная улица: как раз между ней и морем находился его дом. От своих собратьев город отличался лишь редкими дорогими бутиками и свежими, только возведенными зданиями из стекла и бетона, которые контрастировали с ветхими советскими постройками. Проходя мимо кирпичных облупившихся зданий, где ютились универсамы, копеечные парикмахерские, мага-

зины «французской одежды», Саша жалел этот исчезающий мир, который готовился кануть в небытие, подобно Атлантиде. Рядом с ним он особенно остро ощущал, как быстро сжимается время, как бойко оно проскальзывает сквозь щели в земле, как уходит в ее недра. Это чувство испытывала и его мама, которая лет с сорока постоянно говорила о старости, о том, что ее лицо и тело меняются, теряют красоту. С недавнего времени к этому добавились и другие страхи – она боялась лишиться рассудка, боялась стать инвалидом: «Лучше уж умереть, чем проходить через такое унижение, чем это жалкое зрелище: ни сесть, ни встать, ни сходить в туалет без чужой помощи», – говорила она, когда плохо себя чувствовала. Вспомнив об этом, Саша решил позвонить маме, но в трубке услышал только длинные гудки – она не отвечала.

В магазине на Сашу напало желание покупать все подряд: овощи, десерты, вино. В итоге, когда он уже под вечер возвращался домой, пакеты едва не лопались от содержимого. Распаковав продукты, он стал готовить курицу с овощами. Через несколько минут в дверь громко постучали. Выйдя в прихожую, Саша увидел молодого человека с полупустой бутылкой коньяка. Опираясь на дверной косяк, он улыбнулся в ответ на его удивленный взгляд и, покачиваясь, ввалился в квартиру.

– Ну здравствуй, сосед! – сказал он и рассмеялся – весело, совсем без зла. – Не удивляйся, я живу в этом же доме и зашел познакомиться, выпить по стаканчику – коньяк захватил, ну. Думаю, наконец-то тут кто-то поселился, будет с кем выпить. Судя по виду, ты нормальный мужик, с тобой должно быть о чем поболтать, а? Давай, давай, кивни в ответ и иди скорее выключай плиту, – дым уже пошел, а ты и не чуешь, эй!

– Черт! – Саша побежал на кухню и снял сковородку, попутно обжегшись шипящим маслом. – Да чтобы все провалилось. – Включив холодную воду, он сунул под струю замасленные руки. А впрочем, почему бы и не выполнить просьбу? В конце концов, какая разница, с кем пить. – Ну что, ты идешь сюда или решил остаться в прихожей?

– Иду, иду, надо только набраться сил. Ты не подумай, я не так легко пьянею, просто быстро уносит с первых двух стаканов, а потом я начинаю постепенно трезветь – все не как у людей. Отличный организм, нечего сказать.

– Тебя как зовут?

– Ян.

– И что же ты пьешь один, Ян, – позвал бы друзей, ну или свою девушку, если есть, для компании.

– О, друзей у меня здесь нет – я, как мне говорят, плохо схожусь с людьми. А вот девушка есть, но она занята – готовится к приезду сестры. Кстати, знаешь, как ее зовут? Герда! Представляешь, бывает же такое. Мне вообще с ней повезло: она не совсем дура, и все при ней. А что еще надо? Меня старается не бесить, – при этих словах он налил себе коньяку и залпом выпил.

– Забавное имя, хотя чем-то похоже на кошачью кличку.

– А я смотрю, ты шутник. Кажется, Петр Николаевич не зря посоветовал к тебе зайти. Он так волнуется за меня, даже странно. Один минус: он общается с моими родителями. Тебя самого-то как зовут?

– Александр.

– Так вот, Александр, – сказал Ян, прищурившись, – ты часом не сумасшедший?

– Чего?

– Спрашиваю, не сумасшедший ли ты? Просто мне регулярно попадаются сумасшедшие, я их притягиваю как магнит, поэтому решил уточнить. Вот, например, буквально сегодня очередная ненормальная подходила ко мне в кафе. Я сидел, никому не мешал, наслаждался утром: солнце светило, птицы гуляли по асфальту. И тут она выплыла из-за угла – в огромной шляпе с бантами, с леопардовым шарфом на шее, – подошла ко мне, подмигнула и быстро стащила

печенье с моего блюда. Положила его себе в карман и расхохоталась. Честно говоря, если бы не ее безумный смех, я бы убил ее прямо на месте. А так – что взять с сумасшедшей?

– Может, это просто была какая-нибудь старая писательница? Во всяком случае, по описанию она похожа на Петрушевскую.

– На кого?

– На Петрушевскую, известную писательницу. Она тоже любит огромные шляпы.

– Господи, какой бред ты сейчас несешь.

– Что?

– Забей, это неважно.

– И все же: не считая сумасшедших, здесь есть чем заняться? Ты тут постоянно живешь? – спросил Саша после короткого молчания, снова наливая коньяк.

– Нет, я бы свихнулся, здесь же пропасть, нечего делать. Но иногда сбегая сюда, почему нет.

– От кого тебе сбежать? Тебе же лет двадцать.

– Двадцать один, если быть точным. От родителей, конечно. То есть не совсем сбегая, они догадываются, где я, просто отстают на время: понимают, что в некоторые моменты лучше меня не трогать.

– От таких заботливых родителей и сбежать как-то глупо.

Ян посмотрел на него исподлобья.

– А сам-то ты чего здесь? Тоже от кого-то сбежал?

– Нет, просто мама попросила меня продать эту квартиру, пока сама занята.

– Чем же она таким занята, что даже не может летом съездить на море?

– Ну, она занимается своим здоровьем – анализы, обследования, консультации.

– У нее какое-то серьезное заболевание, да? – Ян откинулся на стуле и улыбнулся.

– Надеюсь, что нет.

– Как это глупо, – он вдруг засмеялся. – А я вот, наоборот, мечтаю, чтобы мои родители как-то побыстрее уже заболели, да и с концами: они богатые, так что деньгами я буду обеспечен на годы вперед. Ну а пока ничего такого не случилось, я хочу продать эту квартиру и съездить за границу – хоть поживу по-человечески. Глядишь, за это время и с родителями что-то произойдет.

– А откуда у тебя здесь квартира?

– Мой отец тут вырос, это его матери. Она вот, кстати, была ничего, получше своего сына. В детстве меня то и дело отправляли к ней на выходные, когда я мешался в Сочи. Ну а я и не был против, бабка была заботливая. Только вот умерла рано. Родителям оказалось не до ее квартиры, у них ведь вечные сделки, встречи, переговоры. Они, черт возьми, очень важные люди, понимаешь. Ну и со временем эти ключи достались мне. Такая история.

Выпив коньяк, Саша поставил бокал в раковину.

– Тебе пора идти. А мне спать. У меня еще дел на целую ночь хватит.

Ян встал, совсем не шатаясь, как будто и не пил, и вышел в прихожую. Там он обернулся и сказал Саше:

– А что, может, завтра вечером сходишь со мной и Гердой в бар? Ее сестра тоже будет. Бары тут не очень приглядные, но зато веселые. И девушки хорошие – пойдем, тебе понравится.

– Если только я не просплю двое суток подряд, – сказал Саша и закрыл за Яном дверь.

Оставшись в одиночестве, он понял, как устал за прошедший день. Он стянул с себя футболку и лег в кровать. Атласная ткань покрывала холодила кожу. Из коридора в комнату просачивался слабый желтый свет. Саше захотелось его выключить, но он уснул прежде, чем смог заставить себя подняться.

* * *

На следующее лето после смерти бабушки Саша впервые увидел море: вместо деревни он с мамой поехал в Крым, в санаторий неподалеку от Ялты. Делать там было нечего, кроме как лежать на пляже, препарировать огромных медуз и ходить на процедуры – прогревания, массаж, ингаляцию, – так что весь отдых ему запомнился как бесконечный и сонный летний день, который длился и никак не мог закончиться. Именно с этим путешествием ассоциировалась у него потом строчка из стихотворения Бориса Пастернака: «И дольше века длится день» – ему казалось, что он и правда длился дольше пары веков. Тем более что мама заставляла его читать «Записки охотника» Ивана Тургенева, а скучнее этой книги, да еще на палящем солнце под равномерный шум волн, трудно что-то представить. Еще более удручало, что кормили в санатории ужасно: гороховое пюре, печенка, брокколи и тушеная капуста снились ему ночами, и с тех пор он не притрагивался ни к одному из этих блюд.

Несколько раз за время отдыха он с мамой ездил на экскурсии, где смог увидеть и путанные улочки Евпатории, и порт Севастополя, и гору Ай-Петри, и Ласточкино гнездо, и Ливадийский дворец, и Бахчисарайский фонтан. Мама постоянно жаловалась на дурное обслуживание и запущенность всего вокруг, но под конец отдыха ему было грустно уезжать из Крыма. Было жаль тенистых парков, огромных скалистых гор с елями и соснами, резных беседок в восточном стиле, небольших домиков с облупленными белыми стенами, гибких вездесущих кошек, розового ягодного мороженого в хрустальной фиалке, морского воздуха, сладкого от цветочной пыльцы, – все это хотелось взять с собой в город, сложить в мешок без дна и увезти.

В Москве его ждала неожиданная новость: оказывается, они вот-вот переедут в новый дом. Вместо двухкомнатной квартиры на Павелецкой, в здании еще сталинских времен, у них появлялась трешка в совсем новом доме, тоже недалеко от центра. Родители были уверены, что Саша обрадуется, ведь у него будет собственная комната, а не совмещенная с гостиной, – и он обрадовался, хотя заранее начал скучать по знакомой квартире, по высоким потолкам и прочной дубовой мебели, даже по нелюбимой школе.

Но больше всего ему было жаль расставаться с соседкой, Галиной Сергеевной. Несмотря на тяжелое имя, она была стройной красивой женщиной, которая в сорок с небольшим выглядела на тридцать или тридцать пять. Неважно, по какому поводу она выходила за порог квартиры, она всегда безупречно выглядела: в ярком облегающем платье, в широких белоснежных брюках и блузке кобальтового цвета – она неизменно красила губы красной помадой и обязательно подводила глаза, которые выглядывали из-под рыжей челки, – большие, с темными зрачками. Саша видел, как все мужчины во дворе смотрят ей вслед; даже отец провожал ее быстрым взглядом.

Однажды, когда родителям нужно было ехать в гости, а Саша болел, они попросили ее приглядеть за ним – после этого мальчик стал то и дело навещать ее после учебы. Однокомнатная квартира Галины Сергеевны была совсем не похожа на свою обладательницу – вещи пребывали в беспорядке, на полу валялись монеты вперемешку с цветными записками и окурками, а грязные окна были обклеены пожелтевшими газетами. Только кресло у торшера, кровать и гардероб с зеркалом выглядели более или менее опрятно. Поначалу Саша удивлялся этому, хотя и не показывал, а потом привык к хаосу, в котором она жила. По вечерам она снимала роскошные наряды, как сбрасывают мертвую кожу, надевала объемный махровый халат голубого цвета и без сил падала в огромное кресло, закинув ноги на мягкий изогнутый подлокотник. Она звала Сашу, просила сесть напротив себя, и начинала рассказывать о своих путешествиях и знакомствах: она любила бывать в Каннах и Конго, в Осло и Сеуле, в Праге и Тегеране, дружила с писателями, пиратами, наследными принцами. Она рассказывала увлекательно и легко, и казалось, будто за плечами у нее не одна жизнь, а несколько, и она их после-

довательно разыгрывает перед зрителем. Саша не все понимал из того, что она говорила, но слушал заворожено, а самым любимым моментом во всех историях была концовка, когда в руках Галины Сергеевны сама собой, прямо из воздуха, возникала какая-нибудь затейливая вещица, сувенир, привезенный из далекого города: нефритовая статуэтка, магнит с Эйфелевой башней, костяной браслет, бутылочка из синего стекла с морозным воздухом – все это она отдавала Саше, который не верил, что можно так легко разбрасываться подобным богатством.

Потом Саша обычно быстро уходил домой – он и рад был бы остаться, но к вечеру у Галины Сергеевны начинала болеть голова и портилось настроение. Как-то раз она даже сорвалась на него и накричала за нерасторопность, а когда Саша что-то ей возразил, она с размаху дала ему пощечину, так что щека у него покраснела и распухла, а из глаз брызнули слезы. Она сразу же принялась извиняться перед ним, встала на колени, руки ее тряслись, а Саша только молчал и не мог понять, что произошло, от удивления он не чувствовал боли. Дома он ничего не рассказал и через неделю снова решил пойти к ней. Галина Сергеевна радостно ему улыбнулась. Она выглядела не так, как обычно: голубой халат был грязным, а волосы лежали нерасчесанными, как придется. Привычных историй тоже не было: она попыталась начать что-то рассказывать, но запуталась в именах и датах, в географических названиях. Это ее вывело из себя – она впиалась ногтями в спинку кресла, а потом посмотрела прямо на Сашу долгим немигающим взглядом, словно бы стараясь увидеть сквозь него что-то еще. Но за ним не на что было смотреть: за спиной была только стена в цветочных обоях, и все.

Вместо несостоявшегося рассказа Галина Сергеевна решила напоить его чаем и повела на кухню. Там она долго искала на полках все необходимое – заварку, чашку, блюдце, – а когда нашла, села напротив Саши, поставила перед ним фиалку с засохшим овсяным печеньем и расплакалась, случайно увидев себя в зеркале, висевшем над столом. Вытирая слезы ладонями, она часто дышала, и в сумрачном свете, затопившем кухню, Саша вдруг увидел, как она стареет у него на глазах, как становится частью этих пожелтевших стен, этого грязного пола, этого неубранного, в крошках, стола. Он испугался, но все равно спросил:

– Почему вы плачете?

– Если честно, – говорила она, снова стараясь успокоиться, – если честно сказать тебе, если честно, – ее голос дрожал, – я не помню, как тебя зовут. И я не помню, как называется эта, эта... из чего ты пьешь этот чертов чай. Понимаешь?

– Так меня Сашей зовут. А вот это – чашка. И все. И из-за этого вы так плачете?

– Саша, да, Саша, я где-то запишу, только найду ручку. Ты не видел ручку? Куда я могла ее положить? – Галина Сергеевна стала искать ее под столом, а потом вдруг резко выпрямилась и посмотрела на мальчика сверху вниз. – Мне кажется, мой дорогой, мне кажется, – она судорожно вздохнула, – вам пора идти к себе. Немедленно. Немедленно!

Зачем-то взяв печенье, он медленно встал со стула и ушел и больше никогда не видел ее. Только подростком он узнал от мамы, что Галина Сергеевна была женой успешного бизнесмена, который отселил ее в однокомнатную квартиру, когда ее поведение стало невыносимым: за час она могла успеть впасть в смертельную меланхолию, а потом стать веселой до дрожи в руках. Он хотел с ней развестись, но не стал этого делать, когда выяснилось, что причиной поведения жены является не ее вздорный характер, а опухоль в мозге. Галина Сергеевна страдала рассеянным склерозом и наотрез отказывалась принимать блокирующие таблетки по странным религиозным принципам, хотя в церковь ходила разве что на Пасху. Какое-то время после начала жизни в этой квартире она еще держалась, а потом болезнь стала стремительно развиваться и победила. Муж нанял ей сиделку и раз в неделю приходил сам; правда, довольно скоро он перестал это делать.

Когда вещи были собраны и зазвонил домофон, сообщавший, что два грузовика с мебелью готовы трогаться и ждут только их, Саша вдруг понял, что навсегда уходит из этой квартиры и из этого дома. На лестничной площадке, пропахшей табаком и продуваемой насквозь

солнечным августовским ветром, он невзначай помахал рукой, как будто самому себе, и постучался к Галине Сергеевне, чтобы попрощаться, – но она не открыла.

Спустившись на улицу, он забрался в грузовик вместе с мамой и сел поближе к окну. Машина долго не трогалась, и он все смотрел и смотрел на детскую площадку, освещенную солнцем, посреди тенистого двора, и ему вдруг захотелось выскочить наружу и удержать все это – и зеленые тени, и свет на пыльном асфальте, и выцветший бордюр – оранжевый и желтый, синий и голубой.

– Ну, пора ехать, – отец постучал в окно и улыбнулся.

3

Когда хороший фильм заканчивается не так, как я задумала, – любимые герои умирают или расстаются или злодеи торжествуют, – мне всегда хочется после титров пересмотреть кино заново: а вдруг на этот раз все обойдется и будет другой финал? Так же у меня дела обстоят с книгами или даже с обычными новостями – кажется, если прочитаешь об одном и том же теракте в разных газетах, то, может, число погибших уменьшится или выяснится, что тревога вообще была ложной.

Но, конечно, это плохо работает: фильмы заканчиваются, как закончились и в первый раз, а число жертв обычно только растет.

Думаю, что так же ничего не изменится и с моими новостями, сколько бы раз я ни перечитывала свой диагноз, сколько бы ни складывала и ни разворачивала вновь больничный листок. Странно, когда я только ехала к врачу, когда шла по коридору, когда садилась напротив него в хорошо проветренном кабинете – мне, кстати, очень продуло шею, – я думала, что готова к самому плохому. Что я заранее смирилась со всем, приняла любой диагноз. Я даже просыпалась с этой мыслью: ну рак, ну умру – ну и ладно, и ничего страшного. Сколько людей через это прошло, так чем я хуже или лучше них? Но, оказывается, я только думала, что готова, а на самом деле просто была уверена, что все обойдется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.